

ЗАБЫТЫЕ С 1919 ГОДА

Известно ли, что десять рабочих — депутатов Баварской Республики Советов — еще и поныне находятся в заключении? Обстоятельства этого дела возникли у меня в памяти в связи с промелькнувшими в печати сообщениями. Ведь мы привыкли останавливаться только на самых тяжелых случаях. Так, Макс Хольц приговорен к пожизненному заключению, а эти рабочие только к двенадцати или пятнадцати годам. Для того, кто сможет все вынести, жизнь на этом не кончается. Причем, мы можем быть уверены, что судьи приговорили бы их к пожизненному заключению, будь их проступки хоть мало-мальски серьезными. Пятнадцать лет тюрьмы — это пустяки, после Баварской республики их давали за неуместное любопытство и невольную усмешку.

Как стары эти дела! После печального конца своей республики баварцы, как и все немцы, познали немало иных горьких истин, вытекавших из совершенно противоположных явлений. Кстати говоря, большинство немцев лишилось имущества отнюдь не из-за мюнхенских республиканцев, которые в лучшем случае конфисковали только яйца в домах богачей.

Мы живем в привычных заботах о собственных нуждах в мире, который с 1919 года совершенно преобразился и заметно утратил вкус к политике. А тюрьмы цепко хранят живые воспоминания, которые, ко

всеобщему удовольствию, давно были бы преданы забвению. Все изменились, и только бедняк, приговоренный к двенадцати годам тюрьмы за 1919 год, в письме к дочери еще говорит о верности своим убеждениям. Освобожденный своевременно, он, вероятно, отдался бы всей душой пчеловодству.

Говорят, что рейхспрезидент не объявит амнистии по случаю своего дня рождения, будет только помилование.

Забытым с 1919 года это не сулит ничего хорошего. А нация? Имеет ли она право оставаться равнодушной — ведь на нее ляжет вся ответственность? Судьбы, подобные этим, создает ее собственный кризис, и она должна отвечать за них. Не потому ли она предпочитает предоставить тех, кому выпала такая судьба, на волю случая? Правда, Помпадур тоже замуровала в Бастилии человека, имя его Лятюд, и только десятилетия спустя его там разыскали. Его проступок и в то время был пустяковым, в наш век его и вовсе непонять. Сейчас такому же дикому произволу попустительствуем мы сами — да, мы сами.

Я взял на себя смелость предложить рейхстагу как можно скорее взять судьбу амнистии из рук одного человека, который не в силах обо всем помнить. Помоему, это станет возможным лишь тогда, когда будет принят закон, по которому все политические приговоры через определенные промежутки времени будут пересматриваться и отменяться, если, во-первых, осужденный не пролил кровь и подвергся судебному преследованию за те или иные убеждения и если, во-вторых, обстановка в стране и умонастроение ее граждан изменятся до такой степени, что сохранение в силе старых приговоров покажется противоестественным.

Опасности и трудности, которые юристы несомненно усмотрят в этом предложении, преодолимы и должны быть преодолены. Ни при каких обстоятельствах не может быть ничего нетерпимее и страшнее положения, когда людей пытаются, истязают до смерти за вину, которая уже давно перестала быть виною.